

Третий контур: теневое хозяйство СССР как механизм перетока между плановым и потребительским обращением (1953–1991)

Сухомлинов Владимир Владимирович

Независимый исследователь, индивидуальный предприниматель

105203, Россия, Москва, ул. 12-ая Парковая, д. 7, пом. 23

E-mail: 8vladimir8@gmail.com, v@8vladimir8.ru; тел.: +7-916-757-1781

Zenodo: <https://doi.org/10.5281/zenodo.22792179>

В работе предлагается институциональный анализ теневого хозяйства позднего СССР, рассматриваемого в качестве устойчивой подсистемы воспроизводства, которая возникла в точке соприкосновения двух разделённых контуров денежного обращения. Показано, что советская архитектура, разводившая безналичный плановый оборот и наличный потребительский оборот, оставляла в себе зазор, в котором административно установленная цена расходилась с ценой равновесной, а право распоряжения благом расходилось с правом собственности на него. Присвоение этой разницы и составляло экономическое содержание теневой деятельности. Предлагается формальное описание решения должностного лица об участии в теневой операции, из которого следует, что сдерживающая сила права определяется произведением вероятности разоблачения на тяжесть санкции, а также модель безрискового арбитража на административной переоценке, калиброванная по материалам уголовного дела директора универмага «Сокольники» В. И. Кантора (1985–1989 гг.): доходность такой операции составляла от 14 до 17 % годовых при 2–3 % по единственной законной альтернативе. Разбираются четыре сегмента: распределение дефицита в государственной торговле, хищение и перепродажа нефтепродуктов на автомобильном транспорте, личные подсобные хозяйства вместе с колхозным рынком, подпольное производство и неформальные услуги. Сводятся в единую таблицу несовместимые между собой количественные оценки масштабов явления, от 4 до 45 % общественного продукта, и объясняются причины их расхождения; разбирается республиканский разрез, где различие достигает восьмикратного. Основная гипотеза проверяется на денежных рядах Государственного банка СССР: отношение наличных денег у населения к месячному розничному товарообороту выросло с 1,66 в 1970 г. до 2,48 в 1985 г. и 3,29 в 1990 г., а средний срок возврата рубля в кассы банка удлинился с 52 до 104 дней. Обосновывается вывод о двойственной функции теневого хозяйства: до середины 1980-х годов оно смягчало дефицит и гасило подавленную инфляцию, тогда как после 1987 г. предоставило готовые навыки и готовую сеть для легального размыкания денежных контуров через кооперативы, что и привело к денежному кризису 1990–1991 гг.

Ключевые слова: теневая экономика, вторая экономика, СССР, двухконтурное денежное обращение, дефицит, рента должности, цеховики, личное подсобное хозяйство, колхозный рынок, обналичивание, денежный навес, административная цена.

JEL Classification: N44, P21, P26, K42, D73, Q12.

1. Введение

Теневое хозяйство СССР до сих пор описывается преимущественно в двух несовместимых регистрах. Первый регистр криминологический: перед читателем проходит череда громких уголовных дел, подпольных миллионеров, расстрельных приговоров и конфискованных тайников. Второй регистр публицистический: теневая экономика объявляется либо школой предпринимательства, воспитавшей первое поколение российского капитала, либо, напротив, главным разрушителем социалистического строя. Оба регистра объединяет одно свойство, мешающее исследованию. Они принимают правовую квалификацию деяния за его экономическое содержание и потому не могут объяснить, почему в системе, располагавшей мощным репрессивным аппаратом и почти полным контролем над имущественным оборотом, теневая деятельность не только не исчезала, но воспроизводилась с регулярностью, сопоставимой с регулярностью планового цикла.

Настоящая работа исходит из другой посылки. Теневое хозяйство позднего СССР следует считать необходимым дополнением плановой системы. Породила его вполне определённая

институциональная конструкция, то есть разделение денежного обращения на два контура при одновременном административном назначении цен, разбиравшаяся ранее со стороны замысла как архитектура, которая защищает накопление от потребительского спроса и от превращения плановых средств в самовозрастающий капитал [Сухомлинов, 2026]. Здесь рассматривается её оборотная сторона. Всякий барьер между контурами создаёт разницу потенциалов, а всякая разница потенциалов порождает ток. Теневое хозяйство и было таким током, то есть совокупностью частных и по большей части противозаконных операций, переводивших стоимость из первого контура во второй в обход установленного порядка. По этой причине в заглавии работы оно названо третьим контуром. Обозначение указывает на систему перетоков, паразитирующую на зазоре между двумя первыми контурами, и самостоятельной хозяйственной системы за собой не предполагает.

Такая постановка вопроса позволяет объединить в одной объяснительной схеме явления, обычно изучаемые порознь. Директор универмага, скупавший ювелирные изделия накануне утверждённой правительством переоценки, водитель автобазы, сливавший бензин в придорожной лесополосе, колхозник, вёзший мясо со своего подворья на городской рынок, и бригада шабашников, ставившая коровник за наличный расчёт, совершали разные по тяжести и по общественной оценке действия. Но экономически все четверо занимались одним и тем же: обращали в свою пользу разницу между административной оценкой блага и его действительной редкостью. Различался лишь источник этой разницы и способ доступа к ней.

Работа построена следующим образом. В разделе 2 уточняется понятийный аппарат и разбирается историография вопроса, в разделе 3 выводятся институциональные предпосылки теневого хозяйства из устройства плановой системы, в разделе 4 предлагается формальное описание ренты распорядителя и арбитража на административной переоценке. Разделы 5–8 посвящены четырём основным сегментам, каждый на конкретном материале. Раздел 9 сопоставляет количественные оценки масштабов и разбирает республиканские различия, раздел 10 проверяет основную гипотезу на денежных рядах Государственного банка СССР и прослеживает события 1987–1991 гг., когда барьер между контурами был снят законодательным путём.

Хронологические рамки охватывают период от завершения послевоенного восстановления до распада СССР. Хозяйственные правонарушения существовали и раньше, однако до денежной реформы 1947 г. и до отказа от массовых репрессий в отношении хозяйственников теневая деятельность не складывалась в устойчивую подсистему с собственным воспроизводством, ценами и кадровым составом [Чуднов, 2018]. После 1991 г. предмет меняется качественно, поскольку сама граница между теневым и легальным оборотом перестраивается заново.

2. Понятие и историография

Термин «вторая экономика» ввёл в научный оборот Г. Гроссман, определивший её как совокупность производства и обмена, отвечающих хотя бы одному из двух условий: деятельность ведётся ради частной выгоды либо она сознательно нарушает действующее право [Grossman, 1977]. Определение намеренно широко. Оно объединяет законное приусадебное хозяйство и подпольный цех, частную практику зубного врача и хищение на складе. За этой широтой стоит теоретическое решение: Гроссман исходил из того, что законные и незаконные частные занятия в советских условиях срастались, поскольку первые служили прикрытием и каналом сбыта для вторых. Колхозный рынок, на котором можно было легально продать продукцию собственного подворья, одновременно был местом реализации продукции, добытой из государственного оборота.

Параллельно А. Кацнеленбойген предложил различать «цветные рынки» по степени их легальности, от белого, то есть полностью законного, через розовый и серый к чёрному [Katsenelinboigen, 1977]. Ценность этой классификации в том, что она показывает непрерывность перехода. Между законной продажей огурцов с личного участка и незаконной продажей краденого бензина лежит несколько промежуточных состояний, в каждом из которых операция законна по форме и незаконна по существу либо наоборот.

Отечественная традиция изучения предмета сложилась поздно, на рубеже 1980-х и 1990-х годов, когда стало возможно публиковать оценки. Наиболее известна работа Т. И. Корягиной, впервые давшей развёрнутую количественную картину [Корягина, 1990]. Позднее сформировалась школа институционального анализа, представленная прежде всего Ю. В. Латовым, рассматривавшим теневую экономику как совокупность отношений, складывающихся при недостаточной защищённости прав собственности [Латов, 2001; Латов, Ковалёв, 2006]. С. Г. Кордонский описал позднесоветскую систему как административный рынок, где предметом торга служат статусы, лимиты и согласования [Кордонский, 2000], а И. М. Клямкин и Л. М. Тимофеев показали преемственность теневых практик и постсоветской институциональной коррупции [Клямкин, Тимофеев, 2000]. Особую линию образуют работы, связывающие теневое хозяйство с политической судьбой страны, от публицистического тезиса Р. Кирана и Т. Кенни [Keeran, Kenny, 2004] до более осторожных построений, где вторая экономика выступает лишь одним из факторов кризиса [Гайдар, 2006].

Для целей настоящей работы полезно провести три различия, которые в литературе нередко смешиваются. Начать следует с границы между неучтённым производством и перераспределением. Личное подсобное хозяйство создавало новую стоимость: картофель, выращенный на приусадебном участке, прибавлялся к общественному продукту, независимо от того, попадал он в статистику или нет. Хищение на складе новой стоимости не создавало, оно лишь переносило уже существующую из государственного кармана в частный. Экономические последствия у этих операций противоположны, и сведение их в один показатель, что делалось во множестве публикаций конца 1980-х годов, лишает результат содержательного смысла.

Не менее важно отделять нарушение права от нарушения плана. Деятельность толкача, то есть снабженца, выбивавшего для предприятия дефицитные фонды сверх наряда, формально не была преступной и не приносила ему личного дохода в денежной форме, однако разрушала плановую дисциплину не меньше, чем прямое хищение. Дж. Берлинер показал ещё в 1950-е годы, что без такой полулегальной деятельности советское предприятие просто не могло выполнить план [Berliner, 1957].

Наконец, частную выгоду следует отличать от простого выживания. Значительная часть учитываемой теневой занятости была вынужденным самообслуживанием в условиях неразвитой сферы услуг: человек, чинивший квартиру или выращивавший овощи, замещал отсутствующее предложение, о прибыли при этом не помышляя. Б.-Ё. Ким, пересчитавший бюджетные обследования Госкомстата за 1969–1990 гг., показал, что именно эта, наименее криминальная часть составляла основную массу неформальной активности домохозяйств [Kim, 2003].

Приняв эти различия, теневое хозяйство можно определить рабочим образом как совокупность операций, при которых благо меняет владельца или форму вне процедур, предусмотренных планом и правом, а разница между административной и действительной его оценкой присваивается участниками частным порядком. Такое определение уступает гроссмановскому в широте, поскольку исключает законную частную деятельность, ведущуюся по установленным правилам, и вместе с тем шире уголовно-правового, поскольку включает операции, формально не запрещённые.

3. Институциональные предпосылки

3.1. Разрыв между двумя контурами

Советская денежная система после реформы 1930–1932 гг. и окончательно после 1947 г. была построена на строгом разделении двух видов денег. Безналичные средства обслуживали расчёты между государственными предприятиями и по замыслу представляли собой учётные записи, удостоверявшие выполнение плановых заданий. Наличные деньги обслуживали выплату заработной платы и розничный оборот. Переход из первого контура во второй допускался в единственной точке, при выдаче фонда оплаты труда, и жёстко нормировался кассовым планом Госбанка [Малафеев, 1964; Чуднов, 2018].

Экономический смысл конструкции состоял в том, чтобы средства производства не покупались за деньги, а деньги не превращались в капитал. Достигалось это высокой ценой: безналичный и наличный рубль переставали быть одной и той же вещью. Первый был обилен и сравнительно малоценен, поскольку предприятие получало его по плановому основанию, но не могло свободно на него купить. Второй был ограничен и ценен, поскольку на него приобреталось благо, но получить его законно можно было только в виде заработной платы. Между двумя рублями возникал курсовой разрыв, не выраженный ни в одном официальном документе, но вполне ощутимый для участников оборота.

Всякая операция, переводившая стоимость из первого контура во второй помимо кассового плана, приносила организатору доход, равный этому разрыву. В этом и заключается общая экономическая формула теневого хозяйства в СССР. Хищение сырья на заводе, приписка объёмов работ, скупка дефицита у распределителя, продажа излишков подворья на рынке различались источником и юридической квалификацией, но все они превращали ресурс, числившийся в первом контуре, в наличные деньги второго.

3.2. Дефицит как постоянное состояние

Вторую предпосылку описал Я. Корнаи. В хозяйстве, где бюджетное ограничение предприятия мягко, а спрос предприятия на ресурсы поэтому практически неограничен, дефицит не является следствием ошибок планирования. Он воспроизводится системно и не исчезает при увеличении выпуска [Kornai, 1980]. Для потребительского рынка это означало устойчивое превышение платёжеспособного спроса над товарным предложением при административно закреплённой цене.

Следствий отсюда два, и оба существенны для дальнейшего. При фиксированной цене равновесие устанавливается не ценой, а очередью, нормированием и личной связью. Распорядитель же нормируемого блага получает ренту, поскольку может передать благо покупателю, готовому доплатить сверх прейскуранта. Эта рента не является ни заработной платой, ни прибылью: она порождается самим фактом административного распределения и не зависит от трудового вклада распределителя. А. Шлейфер и Р. Вишни показали, что в подобных условиях должностное лицо ведёт себя как монополист, выдающий разрешение, а взятка выполняет роль цены, отсекающей избыточный спрос [Shleifer, Vishny, 1992].

3.3. Расщепление прав собственности

Государственная собственность в позднем СССР была, кроме того, расщеплена между формальным собственником и фактическим распорядителем. Юридически всё имущество предприятия принадлежало государству. Практически им распоряжался конкретный работник, обладавший знанием, которого не имел никто другой: какая партия товара пришла с избытком, какой узел списан преждевременно, сколько горючего действительно израсходовано против нормы. Это знание, по характеру совпадающее с тем «знанием обстоятельств места и времени», о котором писал Ф. Хайек [Hayek, 1945], в рыночной системе капитализируется через прибыль предприятия. В советской системе оно не капитализировалось никак, поскольку премия работника от него почти не зависела, а план исчислялся в валовых показателях.

Единственным способом обратить частное знание в личный доход оставался вывод блага из учёта. Этим объясняется и массовость мелких хищений, и то, что общественная мораль их почти не осуждала: изъятие у безличного собственника не воспринималось как ущерб конкретному лицу. Гроссман отмечал, что кража на рабочем месте была самым распространённым хозяйственным правонарушением и осознавалась работниками как условие найма, своего рода натуральная надбавка к тарифу [Grossman, 1977].

3.4. Ножницы цен внутри одной страны

Последняя из предпосылок носит ценовой характер. В стране одновременно действовали по меньшей мере четыре системы цен: государственная розничная цена, закупочная цена

сельскохозяйственной продукции, цена колхозного рынка, складывавшаяся свободно, и цена чёрного рынка. Разрыв между ними достигал кратных величин и был устойчив десятилетиями, поскольку преysкурантные цены пересматривались редко и централизованно. Само существование легального свободного рынка, то есть колхозного, придавало этому разрыву наблюдаемую форму: любой участник оборота мог сравнить преysкурант с рыночной котировкой и немедленно оценить величину ренты, которую приносит доступ к товару по государственной цене.

Совокупность четырёх названных обстоятельств, то есть разрыва между контурами, постоянного дефицита, расщепления прав собственности и множественности цен, достаточна для объяснения устойчивости теневого хозяйства. Ни одно из них не устранялось усилением наказания, поэтому репрессивные кампании, проводившиеся начиная с 1961 г., давали лишь временный результат.

Общий вид описанной конструкции представлен на рисунке 1. Сплошной линией обозначен единственный разрешённый переход между контурами, пунктирными линиями обозначены каналы, разбираемые в разделах 5–8, а нижняя стрелка обозначает событие 1988 г., которому посвящён раздел 10.

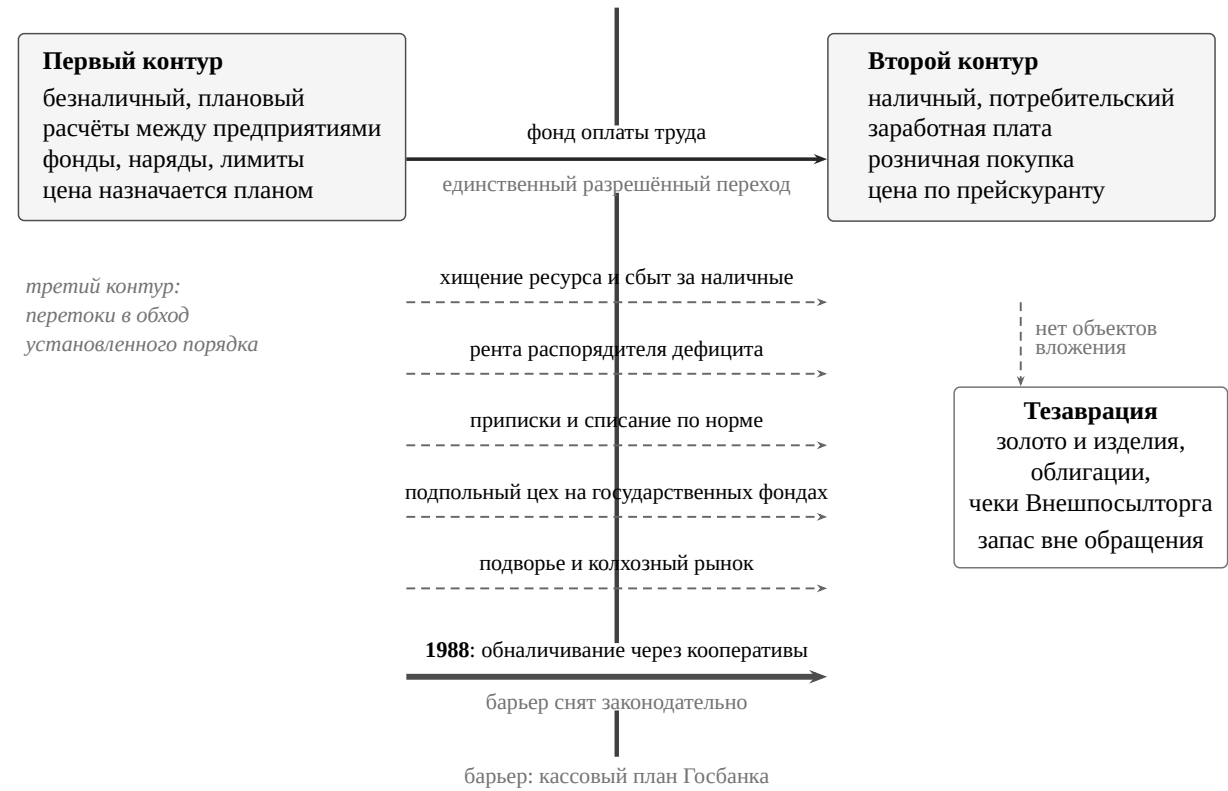

Рис. 1. Два контура денежного обращения и каналы теневого перетока между ними

4. Рента распорядителя: формальное описание

Разобранные предпосылки допускают формальное изложение, и оно полезно, поскольку позволяет отделить проверяемые утверждения от правдоподобных рассуждений. Ниже строятся две простые модели. Первая описывает решение должностного лица об участии в теневой операции, вторая описывает арбитраж на административной переоценке и калибруется по материалам разобранного далее уголовного дела.

4.1. Условие участия

Пусть некоторое благо распределяется по административной цене p , а цена, при которой предъявляемый спрос сравнялся бы с фактическим предложением q , равна p^* . Величину $r = (p^* -$

p) q назовём дефицитной рентой. Она возникает из самого факта административного назначения цены и существует независимо от чьих-либо действий, представляя собой ту стоимость, которая при рыночной координации досталась бы продавцу, а при плановой не достаётся никому и лишь ожидает присвоения.

Пусть распорядитель блага присваивает долю $\theta \in (0, 1]$ этой ренты, остальное расходится по иерархии посредников и покровителей. Обозначим через π вероятность разоблачения за период, через S денежный эквивалент санкции, включающий не только имущественные потери, но и утрату должности, лишение свободы и утрату связей. Ожидаемый выигрыш от участия в операции составит $E = (1 - \pi) \theta r - \pi S$, поскольку при разоблачении присвоенное изымается и к изъятию добавляется наказание. Участие выгодно при $E > 0$, то есть при

$$\theta r > \frac{\pi}{1 - \pi} S.$$

Величина $\kappa = \pi / (1 - \pi)$ есть отношение шансов разоблачения. Условие участия принимает вид $\theta r > \kappa S$ и допускает прямое истолкование. Сдерживающая сила права определяется произведением вероятности на тяжесть, а не тяжестью отдельно. При $\pi \rightarrow 0$ правая часть обращается в нуль при сколь угодно большой санкции, включая высшую меру.

Порядок величин легко оценить. Примем санкцию по ст. 93-1 УК РСФСР в части лишения свободы, то есть пятнадцать лет с конфискацией имущества, за эквивалент утраты дохода на протяжении примерно тридцати лет, поскольку к отбытому сроку добавляется разрушенная карьера, что при должностном окладе w даёт $S \approx 360 w$. Тогда при вероятности разоблачения в один процент за год условие участия принимает вид $\theta r > 3,6 w$, то есть присваиваемая рента должна превысить примерно четыре месячных оклада. Для директора крупного магазина, через который проходили дефицитные товарные потоки, это условие выполнялось с многократным запасом. При вероятности в одну десятую процента, что ближе к положению лица, защищённого связями в аппарате, порог опускается до трети месячного оклада.

Два вывода, полученные в содержательной части работы рассуждением, здесь принимают точную форму. Повышение санкции без повышения вероятности её применения сдвигает порог пропорционально, тогда как понижение вероятности сдвигает его на порядки, вследствие чего покровительство в аппарате было ценнее любой экономии на взятках. Рост же дефицита увеличивает r и втягивает в теневой оборот всё новые должности, для которых прежде условие участия не выполнялось.

4.2. Рента и глубина дефицита

Зависимость ренты от дефицита можно выразить явно. Пусть спрос на благо линеен, $q_d(p) = a - bp$, а предложение q задано планом. Цена расчистки определяется из $q_d(p^*) = q$, откуда $p^* = (a - q)/b$, и

$$r = \left(\frac{a - q}{b} - p \right) q.$$

Пусть номинальные денежные доходы населения растут с темпом g , что при неизменной структуре предпочтений сдвигает параметр a пропорционально, тогда как p закреплена прейскурантом, а q ограничена плановым заданием. Производная ренты по a равна q/b и положительна, причём относительный прирост ренты превышает относительный прирост доходов всякий раз, когда $p^* > p$, то есть при любом положительном дефиците. Иначе говоря, при замороженных розничных ценах и растущих доходах теневая рента растёт быстрее самих доходов, и разрыв расширяется сам собой, без чьей-либо злой воли и без ухудшения работы плановой системы.

Это обстоятельство объясняет наблюдаемую хронологию. Розничные цены на основные товары оставались практически неизменными с 1962 по 1981 г., тогда как денежные доходы населения выросли за тот же период со 106,5 до 361,9 млрд руб., то есть в 3,4 раза [Калабеков, 2023]. Модель

предсказывает, что теневой сектор в эти два десятилетия должен был расширяться независимо от усилий контролирующих органов, что и наблюдалось.

4.3. Арбитраж на административной переоценке

Операция, составившая экономическое ядро разбираемого ниже дела, описывается отдельной и более простой моделью. Пусть в момент T преysкурантная цена товара повышается постановлением органа ценообразования с p_0 до $p_1 = p_0(1 + \delta)$, причём дата и величина повышения известны узкому кругу должностных лиц заранее. Распорядитель приобретает запас товара стоимостью V по старой цене, удерживает его до момента T и реализует по новой. Прибыль составляет

$$\Pi = \delta V,$$

а издержками служит отвлечение суммы V на срок τ до переоценки.

Существенная особенность состоит в том, что дисперсия величины δ равна нулю. Обычный спекулянт принимает ценовой риск и вознаграждается премией за него, здесь же будущая цена задана административным решением, а доход извлекается из служебного доступа к сведениям о нём. По этой причине рассматриваемую операцию следует отнести к присвоению информационной монополии, и отличие её от предпринимательства имеет значение при оценке распространённого тезиса о теневом хозяйстве как школе рыночных навыков.

Годовая доходность операции равна

$$\rho = (1 + \delta)^{1/\tau} - 1.$$

Калибровка по материалам дела универмага «Сокольники» даёт следующие величины. Сумма вложений за 1978–1981 гг. составила 322 886 руб. по основной секции и ещё 83 322 руб. по закупкам в других магазинах, то есть от 322,9 до 406,2 тыс. руб. в зависимости от того, включать ли вторую часть. Ценовая разница по накопленному запасу при переоценке 15 сентября 1981 г. оценена следствием в 200 тыс. руб., что даёт δ в пределах от 0,49 до 0,62. Оценка эта опирается на допущение, что к моменту переоценки удерживался весь приобретённый запас; если часть его успела обернуться, действительное δ выше, а приводимая величина оказывается нижней границей. При сроке отвлечения средств около трёх лет годовая доходность ρ составляет от 14 до 17 %.

Сопоставление с законными возможностями размещения средств показательно. Вклад в сберегательной кассе приносил от 2 до 3 % годовых, облигации государственного трёхпроцентного займа приносили 3 %, иных инструментов для частного лица не существовало вовсе. Таким образом, доступ к сведениям о переоценке давал доходность, превышавшую единственную законную альтернативу по средним значениям примерно вшестеро, причём при нулевом риске. Ни один известный автору законный способ размещения средств в СССР подобной величины не давал, и объясняет устойчивость подобных операций именно это соотношение, а не свойства характера отдельных лиц.

Модель позволяет сформулировать и проверяемое следствие. Если предложенное описание верно, то интенсивность скупки ювелирных изделий через государственную розничную сеть должна была резко возрастать в кварталах, предшествовавших каждой переоценке, и падать сразу после неё. Проверка этого следствия требует поквартальных данных о товарообороте ювелирных секций, которые сохранились в отчётности торгов и до сих пор не вводились в научный оборот.

5. Распределение дефицита в государственной торговле

5.1. Механизм

Государственная торговля находилась в той единственной точке, где плановое распределение соприкасалось с наличными деньгами населения, и потому здесь рента от дефицита принимала непосредственно денежную форму. Работник склада или магазина не нуждался в сложных схемах:

достаточно было придержать дефицитный товар и передать его покупателю, готовому заплатить сверх прейскуранта.

Эта простая операция обрела иерархию. Продавец делился с заведующим секцией, заведующий с директором, директор с руководством торгового предприятия, а торговля, по материалам следствия по ряду дел начала 1980-х годов, с должностными лицами городского и партийного аппарата. Каждая ступень получала плату за невмешательство и за продолжение поставок, на долю прибыли в обычном смысле совершенно непохожую. Складывалась структура, которую Кордонский описывал как административный рынок: предметом обмена выступал гарантированный доступ к товару [Кордонский, 2000].

Сама система снабжения работала на такую иерархию: фонды распределялись по разнарядке, без учёта спроса, и директор, добившийся повышенной квоты на ходовой товар, увеличивал тем самым объём подлежащей присвоению ренты. Связи в аппарате становились прямым хозяйственным ресурсом.

5.2. Дело универмага «Сокольники»

Ход и содержание этих отношений удобно проследить на одном достаточно полно описанном деле. Речь идёт о деле директора московского универмага «Сокольники» В. И. Кантора, разрабатывавшегося Управлением БХСС ГУВД Москвы с августа 1984 г. и завершившегося приговором Московского городского суда в 1989 г.

Источниковедческая оговорка здесь необходима. Материалы дела в научный оборот не введены, а известные подробности восходят к мемуарно-публицистическому изложению одного из участников расследования, опубликованному в 2019 г. в изданиях, специализирующихся на разоблачительной тематике [Аксёнов, 2019]. Такой источник не может служить основанием для количественных обобщений и требует критического отношения к оценочным суждениям автора, к бытовым подробностям и к характеристикам лиц. Вместе с тем приводимые в нём числовые данные, ссылки на конкретные нормативные акты и описание последовательности следственных действий внутренне непротиворечивы и согласуются с тем, что известно о технике работы ОБХСС по аналогичным делам. Ниже используется только фактическая канва, причём сведения о родственниках осуждённого и о событиях после 1991 г. оставлены без рассмотрения как не относящиеся к предмету.

Направление архивного поиска здесь может быть указано достаточно определённо, и его стоит проговорить, поскольку от результата зависит доказательная сила всего раздела. Приговор по делу вынесен Московским городским судом, следовательно первичным местом хранения производства служит судебный архив, документы которого за советский период передаются в Центральный государственный архив города Москвы. Надзорное производство по делу такого уровня должно было вестись Прокуратурой СССР либо Прокуратурой РСФСР, а фонд Прокуратуры СССР (Р-8131) хранится в Государственном архиве Российской Федерации и содержит наблюдательные производства по делам о хищениях в особо крупных размерах. Кассационные и надзорные определения по делам, рассмотренным судами союзных республик по первой инстанции, отложились в фонде Верховного суда СССР (Р-9474) там же. Дополнительным источником служат ведомственные обзоры Главного управления БХСС МВД СССР, где подобные дела разбирались как учебные примеры и где обыкновенно приводятся суммы, схемы и хронология оперативной разработки.

Практическое затруднение состоит в том, что судебные дела содержат персональные данные и выдаются исследователям с ограничениями, а семидесятипятилетний срок ограничения доступа для дела 1989 г. истекает лишь в 2064 г. Обойти это затруднение можно двумя путями. Один ведёт к надзорным и обобщающим документам, которые персональных ограничений обычно не несут, поскольку оперируют обезличенной статистикой и извлечениями. Другой ведёт через материалы ценообразования: постановления Государственного комитета цен СССР о переоценке изделий из драгоценных металлов и отчётность московских торгов о движении товарных запасов ювелирных

секций позволяют проверить количественную канву дела независимо от самого производства. До получения такого подтверждения приводимые ниже величины следует рассматривать как заимствованные из публицистического источника и пригодные для иллюстрации механизма, но не для статистического вывода.

Экономическое ядро дела образует спекулятивная операция на административной переоценке, которая к хищению в привычном смысле сводится плохо. Государственные розничные цены на изделия из драгоценных металлов пересматривались централизованно, постановлениями Государственного комитета цен СССР. Дата и величина пересмотра были известны узкому кругу должностных лиц заранее. Директор магазина, располагавший этой информацией и одновременно контролировавший ювелирную секцию, получал возможность совершить операцию, не имеющую аналога в законном обороте: приобрести товар по старой цене, придержать его до вступления в силу нового прейскуранта и реализовать по новой цене через ту же самую секцию.

Согласно приводимым данным, за 1978–1981 гг. через эту схему было последовательно вложено 322 886 руб., на которые из планового оборота секции изымались партии ювелирных изделий, доходившие до 70 % всех поступлений отдела. Когда возможности одной секции оказались исчерпаны, закупки распространились на другие магазины и составили ещё 83 322 руб. Только на одной переоценке, вступившей в силу 15 сентября 1981 г., разница между старыми и новыми ценами по накопленному запасу оценивалась в 200 тыс. руб.; последующая реализация отложенного товара, по материалам следствия, дала свыше 70 тыс. руб. При обыске было изъято 749 ювелирных изделий и монет общим весом более 10 кг на сумму 613 589 руб. Для соотнесения: среднемесячная заработная плата рабочих и служащих составляла в 1980 г. 169 руб., а легковой автомобиль стоил от 5 до 9 тыс. руб.

Разбирая эти числа, следует обратить внимание на три обстоятельства, имеющих теоретическое значение. Прежде всего операция была безрисковой в экономическом смысле. Обычный спекулянт принимает на себя ценовой риск, поскольку не знает будущей котировки. Здесь будущая цена была известна заранее как административное решение и никакого прогноза не требовала, так что прибыль извлекалась из служебного положения и представляла собой чистую ренту должности. Подобные операции следует отнести поэтому к присвоению информационной монополии, что существенно для оценки распространённого тезиса о теневом хозяйстве как школе рыночных навыков.

Далее, операция требовала крупного наличного капитала. Сумма в 322 тыс. руб., вложенная человеком с должностным окладом в несколько сотен рублей, сама нуждается в объяснении, и следствие, судя по изложению, происхождением этих средств не занималось. Рассматриваемая схема служила, следовательно, способом размещения ранее накопленных наличных, а первичный источник накопления остаётся за её пределами. Теневой оборот в позднем СССР испытывал острую нехватку объектов вложения: деньги нельзя было вложить ни в производство, ни в недвижимость сверх установленных норм, ни в ценные бумаги. Ювелирные изделия, облигации трёхпроцентного займа и чеки Внешпосылторга, обнаруженные при обысках, служили вынужденными формами хранения стоимости, доступными при закрытом финансовом рынке.

Наконец, значительная часть накопленного была выведена из всякого оборота и обездвижена в тайниках, и для понимания макроэкономических последствий теневого хозяйства это важнее всего остального. Теневой доход лишь частью возвращался в потребление, в накопление же не шёл вовсе, превращаясь в омертвлённый запас. Теневой сектор поэтому одновременно и увеличивал давление на потребительский рынок, поскольку часть дохода всё же тратилась, и уменьшал его, поскольку другая часть изымалась из обращения. Оценки денежного навеса конца 1980-х годов, опирающиеся на остатки вкладов в сберегательных кассах, эту вторую часть не учитывают вовсе.

5.3. Место дела в ряду однотипных

Дело универсама «Сокольники» не было исключительным. Оно принадлежит к серии расследований в системе торговли, начатой в 1982–1983 гг. и включавшей дела руководства

объединения «Океан», директора Елисеевского гастронома Ю. К. Соколова, начальника Главного управления торговли Мосгорисполкома Н. П. Трегубова, руководителей плодоовощных баз столицы. Приговоры по ним выносились по ст. 93-1 УК РСФСР, предусматривавшей за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах наказание вплоть до смертной казни, которая в ряде случаев и была применена.

Сопоставление этих дел позволяет судить о природе кампании. Расследования начинались и прекращались в зависимости от расстановки сил в партийном руководстве, а не от объёма ущерба. Разработка по «Сокольникам» велась с учётом связей фигуранта в городском комитете партии и в исполкоме, а активные действия были приурочены к отсутствию первого секретаря горкома в стране. Для оценки репрессивного контроля вывод здесь существен. Наказание в подобных делах выступало редким событием, вероятность которого зависела от политических обстоятельств, и постоянно действующим стимулом, снижающим ожидаемую выгоду правонарушения, оно не работало. Рациональный участник оборота взвешивал именно вероятность применения санкции, тяжесть которой значила заметно меньше, и для лица, включённого в аппаратные связи, эта вероятность была близка к нулю.

6. Нефтепродукты и автомобильный транспорт

6.1. Горючее как объект присвоения

Горючее занимает в истории советского теневого хозяйства место, несоизмеримое с его долей в потребительских расходах, и причина тому лежит в технических свойствах самого продукта. Топливо однородно и не имеет индивидуальных признаков, поэтому изъятая часть неотличима от оставшейся. Оно расходуется в процессе использования, а значит, его убыль естественна и не требует объяснения. Норма расхода устанавливается заранее и одинакова для всего парка, тогда как действительный расход зависит от загрузки, времени года, состояния дороги и манеры вождения, вследствие чего между нормой и фактом всегда существует разница, которой распоряжается водитель. Наконец, при государственной цене, державшейся десятилетиями на уровне 7–10 коп. за литр для рядовых марок и повышенной в 1978 и особенно в 1981 г., топливо оставалось безусловно ликвидным, поскольку число личных автомобилей росло опережающими темпами, а розничная продажа за этим ростом не поспевала. Совокупность перечисленных свойств делала горючее почти идеальным предметом мелкого систематического хищения, а внутри теневого оборота оно выполняло роль товарных денег, свободно обмениваясь на услуги, работу и дефицит.

6.2. Способы изъятия

Хищение горючего на автомобильном транспорте опиралось на две основные схемы, различавшиеся по субъекту. Первая принадлежала водителю государственного транспорта и состояла в присвоении разницы между списанной по норме и действительно израсходованной частью заправки. Самый простой приём состоял в приписке пробега и объёма перевезённого груза в путевом листе, поскольку топливо списывалось по нормам на 100 км пробега и дополнительно на тонно-километры. Этим создаётся системная связь хищения горючего с приписками объёмных показателей: водитель и диспетчер были заинтересованы в завышении выполненной работы и для премии, и для увеличения объёма законно списанного топлива. Распространённость этой практики была осознана законодателем рано: приписки и другие искажения отчётности о выполнении планов выделены в самостоятельный состав (ст. 152-1 УК РСФСР) тем же Законом РСФСР от 25 июля 1962 г. Другой способ состоял в отклонении от маршрута и выполнении сторонних перевозок за наличный расчёт, известных как левый рейс: горючее расходовалось на законном основании, а выручка присваивалась. Самый прямой сводился к сливу с последующей продажей.

Другая схема принадлежала работникам нефтебаз и заправочных станций и состояла в создании неучтённых остатков за счёт занижения отпуска, погрешностей измерительного оборудования и списания на естественную убыль. Излишек продавался за наличные без оформления, что делало

ревизию бессильной: фактический остаток в резервуаре сходил с учётным.

Повторявшийся сюжет советской печати о бензине, сливаемом в придорожную лесополосу, чтобы «уложиться в норму» перед возвращением в парк, представляет собой вырожденный случай той же схемы: учётная норма воспринималась как обязательство, подлежащее исполнению любой ценой, тогда как действительная экономия ресурса никого не вознаграждала. Систему стимулов, при которой сэкономленное горючее выгоднее уничтожить, чем предъявить, следует считать прямым следствием валового характера планирования.

6.3. Масштабы

Прямых измерений объёма хищений нефтепродуктов не существует, поскольку соответствующая величина по определению отсутствовала в отчётности. Косвенная оценка была получена в рамках Беркли-Дюкского проекта опросов эмигрантов конца 1970-х годов и состоит в том, что от трети до двух третей бензина, приобретаемого владельцами личных автомобилей, покупалось у водителей государственного транспорта, минуя государственную розничную сеть [Grossman, 1977; Grossman, 1987]. Даже нижняя граница этой оценки означает, что параллельный оборот был сопоставим по объёму с официальной розничной продажей моторного топлива населению.

К этой оценке следует относиться с осторожностью: выборка эмигрантов смещена по месту жительства, национальному составу и отношению к советским порядкам, вследствие чего распространённость правонарушений в ней систематически завышается. Порядок величины тем не менее подтверждается косвенно, а именно устойчивым существованием нерегулируемой цены на горючее и тем, что в 1978 и 1981 гг. государство дважды значительно повысило розничную цену бензина, что при неизменной себестоимости объясняется стремлением сократить разрыв, питавший параллельный оборот.

Отдельного упоминания заслуживают талоны на горючее. Выдаваемые предприятиям для заправки служебного транспорта, они обращались вне предприятия наравне с деньгами и имели устойчивую котировку, то есть были квазиденежной единицей первого контура, получившей хождение во втором. Талон прямо выражал ту разницу потенциалов, о которой говорилось выше: он выписывался на безналичное основание, а обменивался на наличные.

6.4. Следствия

Хищение горючего представляет собой чистый случай перераспределения без создания новой стоимости, и последствия его были сугубо разрушительными. Оно искажало отчётность о расходе топлива, делая невозможным нормирование потребности, и поощряло приписки объёмных показателей транспортной работы, вследствие чего статистика грузооборота систематически завышалась, на что указывали В. И. Селюнин и Г. И. Ханин [Селюнин, Ханин, 1987]. Оно ставило добросовестного водителя в худшее положение, чем недобросовестного. Наконец, оно формировало устойчивую сеть отношений между водителями, диспетчерами, работниками нефтебаз и покупателями, то есть готовую хозяйственную организацию, оказавшуюся востребованной после 1987 г. в легальной форме.

7. Личные подсобные хозяйства и колхозный рынок

7.1. Двойственное положение

Личное подсобное хозяйство занимает в рассматриваемом предмете особое место, поскольку оно было полностью законным и вместе с тем составляло важнейшую часть той хозяйственной действительности, которую плановая система не контролировала. Именно здесь отчётливее всего видна недостаточность чисто правового подхода: деятельность, не нарушавшая ни одной статьи закона, по своему экономическому устройству принадлежала второму контуру целиком.

Количественное соотношение хорошо известно. Занимая около 3% обрабатываемой земли, личные хозяйства населения давали более четверти валовой продукции сельского хозяйства уже в

1970-е годы [Grossman, 1977]; по расчётам на 1984 г. их доля составляла около 25 %, в том числе 29 % продукции животноводства и 20 % продукции растениеводства [Чжуан Шици, 2018]. Подворья обеспечивали большую часть производимого в стране картофеля и значительную часть овощей, яиц, мяса и молока. Посевная площадь личных хозяйств сократилась с 7,35 млн га в 1958 г. до 5,7 млн га в 1985 г., поголовье крупного рогатого скота в них уменьшилось с 29,2 млн до 24,1 млн голов, однако продуктивность и товарность подворья оставались заметно выше колхозных.

Для семейных бюджетов значение подворья было ещё весомее. В 1970 г. личное хозяйство давало 31,9 % доходов колхозной семьи, к 1985 г. эта доля снизилась до 24,1 %. Натуральное потребление собственной продукции превышало две трети продовольственного потребления колхозных семей и около половины у сельских рабочих и служащих [Чжуан Шици, 2018].

7.2. Правовые рамки и их хозяйственный смысл

Подворье существовало в жёстких нормативных границах. Примерный устав колхоза 1969 г. ограничивал приусадебный участок половиной гектара с учётом застройки, а для рабочих и служащих в РСФСР предел составлял 0,3 га. Нормировалось и поголовье: одна корова, одна голова молодняка, одна свиноматка, до десяти овец и коз в совокупности, до двадцати ульев, при неограниченном содержании птицы и кроликов.

Эти ограничения обычно трактуют как идеологическое стеснение частной инициативы, однако экономический их смысл иной. Норма поголовья ограничивала сверху изъятие кормов из общественного хозяйства, тогда как объём производства ею прямо не задавался. Подворье почти никогда не было самодостаточным: оно опиралось на корма, транспорт, семена и труд, поступавшие из колхоза, зачастую без надлежащего оформления. Симбиоз общественного и личного хозяйства был технологической необходимостью, и ограничение поголовья было попыткой удержать переток ресурсов в допустимых пределах при отсутствии учёта, способного его измерить.

Показатель «25 % продукции с 3 % земли», обычно приводимый как доказательство превосходства частной формы хозяйствования, нуждается ввиду сказанного в существенной оговорке. Он сопоставляет выпуск подворья с одним только земельным ресурсом, оставляя вне рассмотрения корма, технику и рабочее время, полученные из общественного сектора. Эффективность подворья была реальной, прежде всего за счёт несопоставимо более высокой интенсивности труда и точности ухода, но её действительная величина ниже той, которую даёт простое сопоставление долей.

7.3. Колхозный рынок

Колхозный рынок был единственным легальным местом свободного ценообразования в стране. Его значение для теневого хозяйства определяется тремя обстоятельствами.

Прежде всего рынок давал наблюдаемую равновесную цену. Котировки колхозного рынка устойчиво превышали государственные розничные цены на сопоставимую продукцию, по ряду позиций в два и более раза, и величина превышения служила для всех участников оборота открытым измерителем степени дефицита.

Другая его функция состояла в легализации. Продукция, происхождение которой было неизвестно покупателю и трудно устанавливалось контролем, могла быть реализована здесь под видом продукции собственного подворья. Относилось это как к товару, полученному из колхозных ресурсов, так и к перекупленному в другом регионе.

Наконец, свободная торговая площадка создавала место для посредника. Разница цен между южными и северными регионами при слабости государственных заготовок скоропортящейся продукции делала межрегиональную перевозку исключительно выгодной. Деятельность перекупщика, преследовавшаяся как спекуляция по ст. 154 УК РСФСР, экономически представляла собой обычную торговую функцию, которую государственная система не обеспечивала. Здесь особенно ясно видно расхождение уголовно-правовой квалификации и хозяйственного содержания: наказанию подлежало оказание отсутствующей услуги, изъятия же чужого в этих действиях не

было.

7.4. Политика 1977–1981 годов

Отношение государства к подворью менялось. После кампаний по стеснению личного хозяйства конца 1950-х и начала 1960-х годов, приведших к сокращению поголовья и падению производства, с середины 1970-х годов линия была пересмотрена. Постановлением от 1 августа 1977 г. закупочные цены на мясо и молоко, принимаемые от населения, были подняты до уровня колхозных, а с сентября того же года вводилось кредитование покупки скота населением, до 500 руб. на корову и 250 руб. на тёлку.

Эти меры представляют интерес как редкий случай осознанного встраивания второго контура в плановую систему: государство отказывалось вытеснять подворье и предлагало ему цену, при которой сдать продукцию заготовителю становилось выгоднее, чем везти на рынок. По существу это та же логика, что и в китайской двухколейной модели, где свободный сектор сохраняется и обкладывается фиксированным плановым обязательством. В советских условиях мера осталась частной и не была распространена ни на промышленность, ни на сферу услуг.

8. Подпольное производство и неформальные услуги

8.1. Цеховики

Подпольное производство потребительских товаров, участники которого получили обиходное наименование цеховиков, было наиболее организованной частью теневого хозяйства. Здесь же единственно и присутствовало настоящее предпринимательство, то есть соединение факторов производства на свой риск. Устройство подпольного цеха определялось тем, что он не мог существовать вне государственного предприятия. Сырьём служили сэкономленные против нормы материалы, пересортица, отходы и зачисленные в брак партии. Оборудование было государственным и работало во вторую, неучтённую смену, рабочая сила состояла из тех же работников, получавших доплату наличными, сбыт шёл через государственную торговую сеть, где неучтённая продукция продавалась наравне с плановой. Подпольное производство образовывало слой, наращённый на плановой промышленности и полностью от неё зависящий в снабжении, оборудовании и каналах сбыта.

Экономически цеховик занимал нишу, оставленную плановой системой намеренно: лёгкая промышленность финансировалась по остаточному принципу, ассортимент менялся медленно, способность реагировать на моду отсутствовала. Подпольное производство было наиболее развито именно там, где потребительское предпочтение переменчиво, то есть в трикотаже, обуви, галантерее, косметике. Наблюдение имеет общее значение: теневой сектор возникал не там, где плановая система работала плохо, а там, где она по своей природе не могла работать хорошо, поскольку требовалось знание рассеянного и быстро меняющегося спроса.

Ответом государства было предельное ужесточение санкций. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» допустил применение смертной казни за некоторые хозяйственные преступления, а Законом РСФСР от 25 июля 1962 г. в Уголовный кодекс РСФСР была введена ст. 93-1, каравшая хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества либо смертной казнью с конфискацией. Применение высшей меры за хозяйственные преступления, не связанные с насилием, само по себе указывает, что законодатель видел в этой деятельности посягательство на основы строя, а не на имущество. Экономический результат, однако, был двойственным. Высокая санкция повышала требуемую норму прибыли и тем самым не столько сокращала объём подпольного производства, сколько увеличивала долю дохода, направляемую на подкуп контролирующих органов, то есть углубляла сращивание теневого сектора с аппаратом.

К концу 1970-х годов, по распространённому в публицистике утверждению, подпольные

производители договорились с уголовной средой о размере регулярных отчислений за защиту. Сведения об этом восходят к воспоминаниям сотрудников органов внутренних дел и документального подтверждения в открытых источниках не имеют, вследствие чего их следует считать правдоподобным предположением, а не установленным фактом. Существо явления, то есть переход теневого сектора под силовую защиту негосударственного происхождения, сомнений не вызывает.

8.2. Услуги, строительство, посредничество

Наименее криминальную и наиболее массовую часть теневого хозяйства составляло оказание услуг населению помимо государственных предприятий: ремонт жилья и бытовой техники, пошив и починка одежды, обслуживание автомобилей, репетиторство, частная медицинская практика, перевозка пассажиров личным транспортом. По оценкам конца 1980-х годов, при официальном обороте бытового обслуживания порядка 40 млрд руб. теневой оборот в этой сфере составлял 14–16 млрд руб. в год, а оборот неофициальных медицинских услуг оценивался в 2,5–3 млрд руб., то есть примерно в седьмую часть бюджета здравоохранения [Бжилянский, 1989].

Отдельного упоминания заслуживают сезонные строительные бригады, известные как шабашники. Они выполняли для колхозов и совхозов работы, которые государственные подрядные организации либо не брали, либо выполняли с многолетним опозданием. Оплата производилась по договору из средств хозяйства и многократно превышала тарифные ставки, что и вызывало основные претензии контролирующих органов. Хозяйственный смысл надбавки состоял в оплате скорости и гарантированного результата, то есть свойств, которых плановая строительная организация не предоставляла.

Эта часть теневого хозяйства принципиально отличается от разобранных выше. Она создавала новую стоимость, удовлетворяла действительную потребность и не изымала ресурс из государственного оборота, если не считать использования инструмента и материалов. Именно она была легализована первой, законом об индивидуальной трудовой деятельности от 19 ноября 1986 г., и именно её последующее развитие дало наименьшие разрушительные последствия.

9. Масштабы: разброс оценок и его причины

9.1. Причины расхождения

Количественные оценки теневого хозяйства СССР расходятся между собой настолько, что простое их перечисление производит впечатление произвола. В одних публикациях доля теневого сектора в 1970-е годы оценивается примерно в 4 % валового продукта, в других к исходу того же десятилетия называется 30 %, а к концу 1980-х годов 45 % общественного продукта. Оборот середины 1980-х годов оценивался в 70–90 млрд руб., а в публикации 1989 г. приводился разброс от 50 до 150 млрд руб. в год [Корягина, 1990; Бжилянский, 1989]. Занятость определялась то в 10–12 % рабочей силы, то в 18–20 %, то абсолютной величиной около 30 млн человек.

Расхождение объясняется не только слабостью исходных данных, но и тремя систематическими причинами. Тяжелее всего сказывается различие определений. Оценка в 4 % получена при узком понимании предмета, охватывающем только противозаконные операции, тогда как оценка в 30–45 % включает законное личное подсобное хозяйство, самообслуживание домохозяйств и натуральное потребление. Поскольку одно только подворье давало около четверти валовой продукции сельского хозяйства, включение или невключение его в расчёт меняет итог в несколько раз.

Сказывается и различие базы сопоставления. Оборот теневого сектора, то есть сумма сделок, и его вклад в продукт, то есть добавленная стоимость, различаются кратно, поскольку одна и та же партия дефицитного товара могла последовательно пройти через нескольких посредников. Публицистика конца 1980-х годов свободно сопоставляла обороты с валовым продуктом, что механически завышало результат.

Многое зависит, наконец, от свойств самого источника. Обследования эмигрантов дают

систематически завышенные величины: Беркли-Дюкский проект конца 1970-х годов определял долю частных источников в доходах семьи в 28–33 %, израильский проект начала 1970-х годов давал 11,5 %. Расчёт по бюджетным обследованиям Госкомстата за 1969–1990 гг., охватывавшим от 62 до 90 тыс. семей, даёт заметно более скромные величины: неформальные доходы 16,3 % личных доходов, неформальные расходы 22,9 % расходов, поправка к валовому продукту около 6,8 % [Kim, 2003], при территориальном разбросе от 3,5 % по РСФСР до 12,7 % по Грузинской ССР в 1989 г.

Наиболее обоснованная оценка вклада неучтённой деятельности в продукт лежит, таким образом, в пределах первого десятка процентов, а не в разошедшемся по публицистике диапазоне 30–45 %. Занижать значение явления при этом не следует: решающую роль играет положение теневого сектора в системе, а не его доля в продукте. Он контролировал распределение дефицитных благ, определявших реальный уровень потребления, и сосредоточивал наличные средства у лиц, не имевших законных возможностей их вложить.

9.2. Сводка оценок

Приведённые различия удобно представить в едином виде. В таблице 1 сопоставлены основные оценки с указанием того, что именно охватывало определение, от какой базы вёлся расчёт и на каком материале он выполнен. Именно отсутствие такой сводки в литературе позволяет несопоставимым числам десятилетиями кочевать из работы в работу.

Автор, год	Что охвачено	База	Оценка	Материал
Г. Гроссман, 1977	законный частный сектор	ВНП, 1968	около 10 %	расчёт по официальной статистике
Г. Гроссман, 1987	частные доходы семьи	денежный доход	28–33 %	опрос эмигрантов, Беркли-Дюк
Израильский опрос, нач. 1970-х	частные доходы семьи	денежный доход	11,5 %	опрос эмигрантов
Т. И. Корягина, 1990	противозаконная деятельность	ВВП, 1970-е	около 4 %	экспертная оценка
Т. И. Корягина, 1990	оборот теневого сектора	млрд руб., сер. 1980-х	70–90	экспертная оценка
Ю. Бжилянский, 1989	оборот теневого сектора	млрд руб., конец 1980-х	50–150	сводка ведомственных оценок
Публицистика конца 1980-х	всё неучтённое, включая подворье	общественный продукт	30–45 %	без указания метода
Б.-Ё. Ким, 2003	неформальные доходы семьи	личные доходы, 1969–1990	16,3 %	бюджетные обследования Госкомстата
Б.-Ё. Ким, 2003	неформальные расходы семьи	личные расходы, 1969–1990	22,9 %	то же
Б.-Ё. Ким, 2003	неучтённая добавленная стоимость	поправка к ВВП	6,8 %	то же

Таблица 1. Оценки масштабов теневого хозяйства СССР и их основания

Сопоставление показывает, что разброс от 4 до 45 % объясняется главным образом содержанием строки «что охвачено», а не качеством данных. Оценки, полученные на представительном материале и с явно указанной базой, сходятся в пределах от 7 до 23 % в зависимости от того, измеряются доходы, расходы или добавленная стоимость. Величины свыше 30 % во всех известных случаях получены без указания метода и при заведомом смещении оборота с продуктом.

9.3. Республиканский разрез

Расчёт по бюджетным обследованиям допускает разложение по союзным республикам, и результат заслуживает отдельного разбора, поскольку внутрисоюзные различия оказываются больше, чем различия между многими странами. В таблице 2 приведены две независимые оценки за 1989 г., полученные по доходам и по расходам домохозяйств, а также разность между ними.

Приводимый показатель требует пояснения, поскольку он не совпадает с полным размером неформального сектора. Бюджетные обследования позволяют оценить всю созданную вне учёта добавленную стоимость, однако часть её официальная статистика улавливала и без того, косвенно, через розничный товарооборот и заявленные доходы. Неучтённой здесь названа лишь та доля, на которую следует увеличить измеренный валовой продукт, то есть чистая поправка к официальному счёту. По расчёту Кима полная добавленная стоимость неформального сектора составляла для СССР около 8,7% валового продукта при расходном подходе, тогда как поправка к счёту оказывалась заметно меньше. Республиканские величины в таблице 2 суть именно поправки, и сопоставлять их с оценками полного оборота теневого сектора нельзя.

Республика	По расходам, %	По доходам, %	Разность
Грузинская ССР	12,7	8,4	+4,3
Узбекская ССР	12,0	8,8	+3,2
Киргизская ССР	11,8	10,6	+1,2
Туркменская ССР	11,1	5,8	+5,3
Азербайджанская ССР	10,9	8,7	+2,2
Таджикская ССР	10,7	11,7	-1,0
Армянская ССР	9,4	5,8	+3,6
Молдавская ССР	8,9	9,5	-0,6
Украинская ССР	7,1	6,5	+0,6
Литовская ССР	5,4	6,7	-1,3
Казахская ССР	5,3	4,5	+0,8
РСФСР	3,5	3,3	+0,2
Белорусская ССР	3,4	5,7	-2,3
Латвийская ССР	1,8	3,9	-2,1
Эстонская ССР	1,5	4,4	-2,9

Таблица 2. Неучтённая добавленная стоимость неформального сектора по республикам, 1989 г., в процентах к валовому национальному продукту республики. Рассчитано по [Kim, 2003]

Различие между полюсами восьмикратно, и объяснять его особенностями национального характера, как нередко делалось в публицистике позднесоветского времени, нет никаких оснований. Из предложенной в разделе 4 модели следует более простое объяснение, связывающее величину теневого сектора с величиной дефицитной ренты и с вероятностью разоблачения.

Величина ренты определялась прежде всего структурой сельского хозяйства. Закупочные цены устанавливались централизованно и слабо различались по стране, тогда как рыночная цена субтропических и трудоёмких культур, то есть цитрусовых, винограда, чая, ранних овощей и бахчевых, многократно превышала закупочную, поскольку спрос на них предъявляла вся страна, а производство было возможно на ограниченной территории. Разрыв между административной и равновесной ценой в закавказских и среднеазиатских республиках был поэтому структурно шире, чем в республиках зернового и льняного пояса, где рыночная цена продукции отклонялась от закупочной незначительно. Личное подсобное хозяйство при таком соотношении цен приносило доход, несопоставимый с заработком в общественном секторе, и вовлекало в теневой оборот большинство сельских семей, а не отдельных нарушителей.

Вероятность разоблачения различалась не менее сильно. Плотные родственные и земляческие связи, охватывавшие в южных республиках и хозяйственный аппарат, и правоохранительные органы, снижали π до величин, при которых условие участия выполнялось почти для любой должности.

Приведённые в литературе сведения о продаже должностей в Азербайджанской ССР на рубеже 1970-х годов, где младшие посты оценивались в тысячи, а пост министра торговли в сотни тысяч рублей [Grossman, 1977], указывают именно на это: цена должности есть капитализированная рента, которую она приносит, и её величина прямо измеряет произведение θr при малом κ .

Разность между расходной и доходной оценкой заслуживает отдельного внимания, поскольку она измеряет полноту декларирования доходов, а не размер теневого сектора. Там, где расходы систематически превышают заявленные доходы, часть поступлений скрывается от обследования, и наибольший разрыв наблюдается в Туркменской, Грузинской и Армянской ССР. Обратное соотношение в Прибалтике и Белоруссии не означает отсутствия неформальной активности: оно означает, что там она в большей мере велась в законных формах и признавалась при опросе. Это наблюдение важно и методически, поскольку показывает, что любая оценка по доходам занижает явление тем сильнее, чем оно распространённое.

10. Размыкание контуров в 1987–1991 годах

10.1. Законодательное решение

Решающие события произошли в законодательстве. Закон о кооперации в СССР от 26 мая 1988 г., развивая начатое постановлениями Совета Министров 1987 г., разрешил кооперативам самостоятельно определять размер наличных средств в кассе и свободно устанавливать цены. Барьер между безналичным и наличным контурами, составлявший конструктивную основу советской денежной системы, был снят разом и в общем порядке.

Число кооперативов выросло с 9,1 тыс. в июле 1987 г. до 77,5 тыс. к январю 1989 г., занятость достигла 1,9 млн человек, объём реализации превысил 6 млрд руб. При этом доля кооперативов в розничном обороте оставалась меньше одного процента, из чего следует, что основным содержанием их деятельности служило посредничество. Кооперативы при государственных предприятиях получали ресурсы по твёрдым ценам и реализовывали продукцию по свободным, с наценками, доходившими до многократных величин; архивные материалы фиксируют и прямые операции по переводу безналичных средств в наличные значительного объёма [Левин, 2025].

Экономический результат состоял в том, что безналичные средства, ранее служившие исключительно инструментом взаимных расчётов между предприятиями и не бывшие покупательной силой на потребительском рынке, начали в него поступать. Величина неудовлетворённого спроса выросла с 70 млрд руб. в 1988 г. до 100 млрд руб. в 1989 г., а среднегодовой прирост потребительских цен, составлявший в 1971–1985 гг. порядка 1,8 %, в 1986–1988 гг. удвоился [Левин, 2025]. Государство отвечало наращиванием наличной эмиссии, что замыкало круг.

Приведённые величины неудовлетворённого спроса нуждаются в оговорке, поскольку они вдвое превышают собственные оценки Государственного банка СССР, определявшего накопленный избыток наличных денег в 33,2 млрд руб. на 1988 г. и 37,3 млрд руб. на 1989 г. Расхождение объясняется различием счёта: ведомство относило к неудовлетворённому спросу только наличные деньги на руках у населения, тогда как более широкие оценки включают и вынужденную часть сбережений на вкладах. Обе величины поэтому измеряют разное, и сопоставлять их напрямую нельзя.

10.2. Проверка на денежных рядах

Изложенное построение допускает эмпирическую проверку. Если теневое хозяйство действительно работало как канал перетока из первого контура во второй, то наличная денежная масса должна была расти быстрее розничного товарооборота, который она обслуживала по замыслу, и разрыв должен был накапливаться задолго до 1988 г., а в 1988–1990 гг. смениться изломом. Соответствующие ряды опубликованы в архивных материалах Государственного банка СССР и сведены в таблице 3.

Год	Эмиссия	Прирост наличных у населения	Прирост вкладов	Розничный товарооборот	Наличные у населения на конец года	Наличные в месяцах товарооборота	Скорость возврата денег в кассы, дней
1970	0,1	0,1	7,8	159,4	22,1	1,66	52
1975	4,0	3,8	12,6	215,6	36,8	2,05	66
1980	3,3	3,1	10,9	278,0	50,9	2,20	75
1983	5,3	4,7	13,6	314,5	60,3	2,30	80
1985	4,1	4,3	20,1	333,0	68,9	2,48	87
1986	3,9	4,1	23,9	341,2	73,0	2,57	88
1987	5,9	5,9	26,1	350,8	78,9	2,70	93
1988	11,8	9,2	32,7	375,7	88,1	2,81	97
1989	18,3	16,6	45,2	414,8	104,7	3,03	102
1990	28,4	27,2	53,3	481,7	131,9	3,29	104

Таблица 3. Наличное денежное обращение и розничный товарооборот СССР, млрд руб. в ценах соответствующих лет. Рассчитано по [Калабеков, 2023] на основании публикаций архивных фондов Государственного банка СССР

Обе стороны дела представлены на рисунке 2. Левая часть показывает медленное накопление разрыва, правая часть показывает излом.

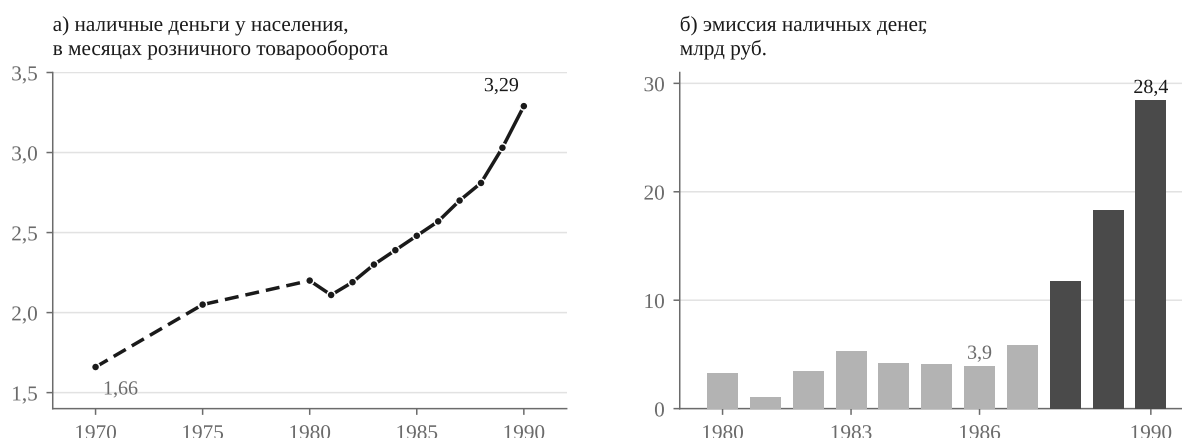

Рис. 2. Наличное денежное обращение СССР, 1970–1990 гг. Рассчитано по [Калабеков, 2023]

Ряды говорят о двух разных явлениях, и различать их существенно.

Медленное и устойчивое накопление разрыва видно в первой половине ряда. Отношение наличных денег на руках у населения к месячному розничному товарообороту выросло с 1,66 в 1970 г. до 2,48 в 1985 г., то есть в полтора раза за пятнадцать лет, при единственном заметном отступлении в 1981 г. Если бы наличные деньги обслуживали только розничную покупку товаров, этот показатель колебался бы вокруг устойчивого уровня, определяемого частотой выплат и привычками расчёта, которые за пятнадцать лет не менялись. Его монотонный рост означает, что всё большая часть наличной массы оседала вне торгового оборота.

Тот же вывод независимо подтверждается скоростью возврата денег в кассы Госбанка, выросшей с 52 дней в 1970 г. до 87 дней в 1985 г. Показатель этот измеряет средний срок, проходящий от выдачи рубля из кассы банка до его возвращения туда через торговую выручку, и его удлинение более чем в полтора раза означает, что рубль всё дольше задерживался в руках у населения, совершая обороты, которые через государственную торговлю не проходили. Именно это и предсказывает изложенная выше схема: сделки третьего контура совершались в наличных деньгах, но в торговую выручку не попадали и в кассы банка не возвращались.

Оценки самого Госбанка СССР согласуются с таким истолкованием. К началу 1986 г. избыток наличных денег в обращении определялся ведомством в 25–30 млрд руб., то есть в 35–40 % всей наличной массы, а остатки денежных средств населения во всех формах оценивались в 320 млрд руб. против 33 млрд руб. двадцатью годами ранее, при росте розничного товарооборота и платных услуг за тот же период в 3,1 раза. Отношение количества денег в обращении к рублю национального дохода выросло с 4,0 коп. в 1960 г. до 7,9 коп. в 1970 г. и 11,6 коп. в 1980 г.

Излом приходится на 1988 г. Эмиссия наличных денег держалась в 1980–1986 гг. в пределах от 1,0 до 5,3 млрд руб. в год при среднем значении около 3,6 млрд, в 1987 г. составила 5,9 млрд, в 1988 г. 11,8 млрд, в 1989 г. 18,3 млрд и в 1990 г. 28,4 млрд руб. Рост более чем в семь раз за четыре года не имеет соответствия ни в динамике производства, ни в динамике товарооборота, выросшего за те же годы в 1,4 раза. Показатель наличных в месяцах товарооборота, прибавлявший в 1980–1986 гг. в среднем по шесть сотых в год, в 1987–1990 гг. прибавляет по восемнадцать, то есть втрое быстрее, и достигает 3,29.

Соотношение двух явлений и составляет основной результат настоящего раздела. Пологий рост 1970–1986 гг. есть след постоянно действовавшего теневого канала, работавшего вопреки запрету и потому ограниченного по пропускной способности. Излом 1988–1990 гг. есть след того же канала, с которого сняли запрет: пропускная способность перестала ограничиваться риском, и накопленное давление первого контура выплеснулось во второй за три года.

Две оговорки необходимы. Ряды показывают давление на потребительский рынок, но сами по себе не отделяют теневой переток от прочих его причин, среди которых рост денежных доходов, опережавший рост товарного покрытия, сокращение продажи алкоголя в 1985–1988 гг. и нарастающие бюджетные трудности. Показатель наличных в месяцах товарооборота есть индикатор, а не измерение. Кроме того, приведённые ряды даны в ценах соответствующих лет, а поскольку официальный индекс розничных цен занижал действительный рост, реальный разрыв был шире расчётного, и приведённые величины следует считать нижней границей.

10.3. Роль предшествующего теневого хозяйства

Роль предшествующего теневого хозяйства здесь следует определить точно, поскольку именно в этом пункте чаще всего допускается преувеличение. Теневой сектор не разрушил денежную систему: её разомкнуло законодательное решение. Но он подготовил три условия, без которых размыкание не дало бы столь быстрого действия. Он накопил наличные средства, немедленно предъявившие спрос на вновь открывшиеся возможности; воспитал слой людей, владевших навыком обращения ресурса помимо плана и располагавших готовой сетью связей в снабжении, торговле и контролирующих органах; заранее сформировал представление о разнице между двумя рублями как о доступном источнике дохода. Когда эта разница из наказуемой стала законной, её освоение не потребовало ни обучения, ни времени.

11. Заключение

Теневое хозяйство позднего СССР было собственным порождением плановой системы, закономерно возникшим в зазоре между двумя контурами денежного обращения при административно установленных ценах. Общая формула всех его разновидностей состоит в присвоении разницы между административной оценкой блага и его действительной редкостью, а различались они лишь источником этой разницы: служебным доступом к распределению, расхождением между нормой и фактическим расходом, свободной ценой колхозного рынка или неудовлетворённым спросом на товары переменчивого ассортимента.

Предложенная схема допускает эмпирическую проверку, и проверка эта её подтверждает. Отношение наличных денег на руках у населения к месячному розничному товарообороту росло монотонно с 1,66 в 1970 г. до 2,48 в 1985 г., а средний срок возврата рубля в кассы Госбанка удлинился за те же годы с 52 до 87 дней. Оба показателя означают одно и то же: всё большая часть наличной

массы совершала обороты, не проходившие через государственную торговлю. После снятия барьера в 1988 г. пологий рост сменяется изломом, и эмиссия наличных денег увеличивается за четыре года более чем в семь раз при росте товарооборота в 1,4 раза.

Проведённый разбор позволяет сформулировать три вывода. Во-первых, оценка теневого сектора как школы предпринимательства нуждается в разделении. Оказание услуг, подворье и подпольное производство требовали хозяйственных способностей и создавали новую стоимость. Присвоение ренты должности, ярчайшим примером которого служит разобранный случай универмага «Сокольники», предпринимательских способностей не требовало и представляло собой противоположность риску: прибыль была тем надёжнее, чем выше положение участника в распределительной иерархии.

Во-вторых, репрессивный путь решения задачи был бесперспективен по причине низкой и политически обусловленной вероятности применения наказаний, тогда как тяжесть их значила немного. Пока причина, то есть разрыв между контурами при дефиците, сохранялась, ужесточение санкций лишь повышало требуемую норму прибыли и глубже втягивало в теневые отношения контролирующий аппарат.

В-третьих, опыт 1977–1981 гг. в отношении личных подсобных хозяйств показывает, что существовал и третий путь, помимо подавления и полного снятия барьера. Он состоял в том, чтобы признать второй контур, обложить его фиксированным обязательством и предложить ему цену, делающую законный канал сбыта предпочтительным. Именно такое решение легло позднее в основу китайской двухколейной модели и позволило провести преобразования без разрушения денежной системы. Советское руководство применило этот приём в одной отрасли и не распространило на остальные, избрав в 1988 г. одномоментное снятие барьера. Соотношение двух исходов даёт, как представляется, наиболее содержательный урок рассмотренного сюжета.

Литература

- Аксёнов О. Как арестовали Кантора: глава из книги «Точка возврата». 2019. URL: <https://chel.pro/5970> (цит. по архивной копии web.archive.org, снимок 17.04.2021; дата обращения: 15.09.2026).
- Бжилянский Ю. Теневая экономика. 1989 // Интерфакс: архивная публикация от 25.09.2014. URL: <https://www.interfax.ru/business/398704> (дата обращения: 15.09.2026).
- Гайдар Е.Т. Гибель империи: уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 440 с.
- Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах: справочное издание. М., 2023. URL: <https://su90.ru> (дата обращения: 15.09.2026).
- Кашин Ю.И., Миков В.В. (сост.). Оборот наличных денег в СССР, 1922–1990 гг. // По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 2. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2007.
- Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. М.: РГГУ, 2000. 595 с.
- Кордонский С.Г. Рынки власти: административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000. 240 с.
- Корягина Т.И. Теневая экономика в СССР // Вопросы экономики. 1990. № 3. С. 110–120.
- Латов Ю.В. Экономика вне закона: очерки по теории и истории теневой экономики. М.: МОНФ, 2001. 284 с.
- Латов Ю.В., Ковалёв С.Н. Теневая экономика. М.: Норма, 2006. 336 с.
- Левин Я.К. Кооперация как фактор разрушения финансово-экономической системы СССР // Клио. 2025. № 12 (228). С. 187–191.
- Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М.: Мысль, 1964. 439 с.
- Селюнин В.И., Ханин Г.И. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 181–201.

- Сухомлинов В.В. Двухконтурная экономика: философско-исторические основания, теоретические модели и отличие от системы кредитных денег. Zenodo, 2026. DOI: 10.5281/zenodo.21490098.
- Чжуан Шици. Личное подсобное хозяйство сельского населения СССР в середине 1960-х – середине 1980-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 5. С. 139–154.
- Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 года. М.: РОССПЭН, 2018. 303 с.
- Berliner J.S. Factory and Manager in the USSR. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957. 386 p.
- Grossman G. Roots of Gorbachev's Problems: Private Income and Outlay in the Late 1970s // Gorbachev's Economic Plans. Washington: Joint Economic Committee, 1987. Vol. 1. P. 213–229.
- Grossman G. The Second Economy of the USSR // Problems of Communism. 1977. Vol. 26, no. 5. P. 25–40.
- Hayek F.A. The Use of Knowledge in Society // American Economic Review. 1945. Vol. 35, no. 4. P. 519–530.
- Katsenelinboigen A. Coloured Markets in the Soviet Union // Soviet Studies. 1977. Vol. 29, no. 1. P. 62–85.
- Keeran R., Kenny T. Socialism Betrayed: Behind the Collapse of the Soviet Union. New York: International Publishers, 2004. 236 p.
- Kim B.-Y. Informal Economy Activities of Soviet Households: Size and Dynamics // Journal of Comparative Economics. 2003. Vol. 31, no. 3. P. 532–551.
- Kornai J. Economics of Shortage. Amsterdam: North-Holland, 1980. 631 p.
- Shleifer A., Vishny R.W. Pervasive Shortages under Socialism // RAND Journal of Economics. 1992. Vol. 23, no. 2. P. 237–246.

The Third Circuit: the Shadow Economy of the USSR as a Mechanism of Transfer between Planned and Consumer Monetary Circulation (1953–1991)

Vladimir V. Sukhomlinov

Independent researcher, individual entrepreneur

105203, Russia, Moscow, 12th Parkovaya St., 7, room 23

E-mail: 8vladimir8@gmail.com, v@8vladimir8.ru

The paper offers an institutional analysis of the late Soviet shadow economy, treated as a stable subsystem of reproduction arising at the junction of two separated circuits of monetary circulation. The Soviet architecture, which divided non-cash planned turnover from cash consumer turnover, left a gap in which the administered price diverged from the equilibrium price and the right to dispose of a good diverged from ownership of it. Appropriating that difference constituted the economic content of shadow activity. A formal account of an official's decision to take part in a shadow transaction shows that the deterrent force of law is the product of the probability of detection and the severity of the sanction; a companion model of riskless arbitrage on administered price revisions is calibrated on the criminal case of V. I. Kantor, director of the Sokolniki department store (1985–1989), and yields a return of 14 to 17 per cent a year against the 2 to 3 per cent available on the only lawful alternative. Four segments are examined: the distribution of scarce goods in state retail trade; the theft and resale of petroleum products in road transport; household plots together with the collective farm market; and underground manufacturing and informal services. Mutually incompatible quantitative estimates, ranging from 4 to 45 per cent of social product, are brought into a single table and the reasons for their divergence explained, and the eightfold spread across union republics is analysed. The central hypothesis is tested on the monetary series of the USSR State Bank: the ratio of household cash holdings to monthly retail turnover rose from 1.66 in 1970 to 2.48 in 1985 and 3.29 in 1990, while the average time for a rouble to return to bank tills lengthened from 52 to 104 days. The paper argues for a dual function: until the mid-1980s the shadow economy mitigated shortage and absorbed repressed inflation, while after 1987 it supplied ready skills and ready networks for the legal breaching of the monetary barrier through cooperatives, which produced the monetary crisis of 1990–1991.

Key words: shadow economy, second economy, USSR, dual-circuit monetary circulation, shortage, rent of office, underground manufacturing, household plot, collective farm market, cash conversion, monetary overhang, administered prices.

JEL Classification: N44, P21, P26, K42, D73, Q12.